

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА 1863—1864 ГОДОВ *

В. Я. Кирпотин

В 1859—1861 гг. в России сложилась революционная ситуация, когда, по словам Ленина, «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹.

В этой обстановке Салтыков-Щедрин быстро освободился от иллюзий о возможности мирного решения крестьянской проблемы, которые возникли было у него по возвращении из вятской ссылки в январе 1856 года. Салтыков-Щедрин присоединился к лагерю Чернышевского. Для него, ученика Белинского и революционно настроенного петрашевца, это было вполне естественным и логичным.

Окончательное разделение общественных сил России на два лагеря — революционно-демократический и либерально-помещичий — произошло по вопросу об отношении к крестьянской реформе 1861 года. Либералы приняли реформу с восторгом, «Современник» во главе с Чернышевским отнеся к ней резко отрицательно.

В 1862 г. царское правительство перешло к политике репрессий против зреющих сил революции. В июне на восемь месяцев было приостановлено издание «Современника» и «Русского Слова». 7 июля был арестован Н. Чернышевский, 2 июля — Д. Писарев, еще раньше — М. Михайлов и В. Обручев. Вместе с Чернышевским был арестован Н. Серно-Соловьевич, а несколько позже — Н. Шелгунов. Несмотря на удары реакции, активность и организованность революционного лагеря продолжали возрастать. Из разрозненных тайных кружков был создан всероссийский центр для подготовки революции. «Мы достоверно знаем, — писал герценовский «Колокол» 1 марта 1863 г., — что столичные и областные круги, соединяясь между собой и с офицерскими комитетами, сомкнулись в одно общество. Общество это приняло название «Земля и Воля».

Именно в это время в состав редакции «Современника» вошел Салтыков-Щедрин. Выход журнала должен был возобновиться с 1 января 1863 года. Русскую общественность волновал вопрос, сохранит ли «Современник» свое направление. Кроме М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. А. Некрасова, в новую редакцию вошли М. Антонович, Г. З. Елисеев и А. Н. Пыпин. Продолжение «Современником» курса Чернышевского — Добролюбова зависело прежде всего от публицистической деятельности Салтыкова-Щедрина. К нему присматривались особенно пристально и общественность и правительственные круги. Н. Страхов в статье «Последние два года в петербургской журналистике» писал: «Припомним, достолюбимые читатели, начало 1863 года. Какое было тогда самое важное явление в петербургском литературном мире? Пусть говорят другие что угодно, а я скажу (и согласится со мною, надеюсь, всякий беспристрастный

* Публикуя настоящую статью, редакция отмечает, что некоторые положения, выдвинутые автором, подлежат дальнейшему изучению.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 27.

наблюдатель), что важнейшим тогдашним событием было вступление г. Щедрина в редакцию «Современника»... Как только газеты и объявления разнесли весть о вступлении г. Щедрина в «Современник», на этот журнал обратилось всеобщее внимание»².

Утрата Добролюбова и Чернышевского была очень тяжелой. Салтыков-Щедрин и Некрасов сделали все возможное, чтобы поддержать заслуженную репутацию «Современника». Именно потому, что политическое лицо журнала определялось его публицистикой, Салтыков-Щедрин, по характеру своего дарования прежде всего художник и сатирик, так много писал в этом разделе журнала. Центральное место в публицистических произведениях Салтыкова-Щедрина этих лет занимает хроника «Наша общественная жизнь». Салтыков-Щедрин вел ее в течение 1863 г. и первых месяцев 1864 года. Кроме этой хроники, он выступал на страницах журнала и с другими статьями, рецензиями и заметками.

В своих статьях и заметках Салтыков-Щедрин проводил мысль, что решающая схватка народа с самодержавием еще не произошла, что настоящая проба сил еще предстоит. Готовясь к ней, нужно было извлечь уроки из опыта прошлой борьбы. Этот опыт учил, что в политике нельзя быть слишком доверчивым, нельзя верить тому, что произвол и насилие исчезнут сами собой. «Теперь, искушенные опытом, — писал Щедрин, — мы будем знать, что ехидство никогда не раскаивается, что следовательно его необходимо преследовать до тех пор, пока оно не испустит дух свой» (т. VI, 1941, стр. 136). «Ехидство», самодержавие, строй крепостников надо бить беспощадно, без спуска, без веры в его «либеральные» начинания и обещания.

В кругах «Современника» ждали революционного взрыва в 1863 году. Когда эти надежды не сбылись, некоторые руководители движения стали думать, что революционный переворот произойдет в 1865 году. Дата эта указана в заключительной главе романа Чернышевского «Что делать?», носящей название «Перемена декораций»³. Публицистика Щедрина 1863—1864 гг. имела целью помочь подготовить штурм самодержавия.

Великий писатель умел с выдающимся мастерством освещать с революционных позиций все события времени, большие и малые, и доказывать в связи с каждым из них необходимость коренного революционного преобразования России.

Размеры журнальной статьи не позволяют подробно осветить отношение Щедрина ко всем текущим событиям, нашедшим отклик в его публицистических выступлениях этих лет. Ограничимся лишь отношением его к польскому восстанию 1863 года.

Как известно, русские революционные демократы горячо сочувствовали польскому освободительному движению. Герцен и Огарев в «Колоколе» писали, что долг русских людей — поддержать польское восстание под лозунгом «землю крестьянам, волю областям». Они стремились привлечь русское общественное мнение на сторону поляков во имя достижения общей — и польской и русской — свободы. Такова же была точка зрения «Земли и Воли», обещавшей оказывать влияние на русскую общественность в пользу независимости Польши.

В легальной печати линию на поддержку польского восстания проводил Салтыков-Щедрин, проводил намеками, урывками, преодолевая огромные трудности и с величайшим риском.

Салтыков-Щедрин превосходно разобрался в политической обстановке. Мутный поток казенного негодования против поляков он назвал «фальшивым». Констатируя, что «польская смута» победить не может, он предостерегал мыслящих людей от шовинистической волны, готовой поглотить многое из того, что было сделано для роста самосознания общества во время подъема шестидесятых годов. Щедрин раскрывал истин-

² «Эпоха», октябрь 1864 года.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XI. 1939, стр. 336.

ный смысл напыщенно-трафаретных фраз казенного лжепатриотизма, заполнявших тогда все газеты. В славянофильском «Дне» был напечатан верноподданнейший адрес группы студентов из помещичьих сынков в принятом тогда высокопарном духе. Щедрин перевел его на обычный язык. «Публика слышит какой-то стук,— писал он,— а толку не видит. Поэтому лучше было бы, кажется, редакцию этого параграфа изменить так: «как истинные верноподданные, мы заявляем, что считаем своим врагом всякого, кто замыслил что-нибудь противное интересам его императорского величества». Это будет ясно, вразумительно, и при том несколько не противно той мысли, которую вы намеревались выразить» (т. VI, стр. 143).

Щедрин нашел способ приободрить польских демократов, сказать им от лица передовых русских людей, что, несмотря на невзгоды и поражения, надежды на будущее не потеряны. В том же «Дне» была напечатана статья, требовавшая, чтобы ссыльных поляков помещали отдельно от ссыльных русских, «потому что, в противном случае, первые непременно заразят последних, и пойдет это у них: «гей! надея еще с нами!»... Это последнее замечание, — говорит Щедрин, — вызывает невольную улыбку гордости в русском читателе. В самом деле, как подумаешь, каких нет на свете смешных наречий и слов! Возьмите, например, те же самые слова, и переведите по-русски, выйдет: «да! надежда еще с нами!» (т. VI, стр. 147).

Польское восстание еще более ускорило перегруппировку общественных сил в России и придало ей более резкие формы. Под напылом искусственно разожженных шовинистических чувств люди слабые или просто случайно примкнувшие к демократическому движению шарахнулись вправо. Люди, давно затаившие мысль о переходе на сторону реакции, искавшие лишь «приличной» обстановки и приличной «аргументации» для акта ренегатства, воспользовались моментом, чтобы открыто сбросить маску. В числе последних был и Катков.

Салтыков-Щедрин со злым и едким негодованием заклеил этих шарахнувшихся вправо людей. Он нашел для этого и нужный повод и нужные слова. На осенней выставке Академии художеств в 1863 г. была выставлена картина Ге «Тайная вечеря». Картина затронула тему, приобретшую громадную общественную актуальность, а может быть, и подсказанную в известной мере атмосферой 1862—1863 годов. Образ евангельского предателя стал символом ренегатов освободительного движения, перебежчиков на сторону врага. Подводя Каткова под образ Иуды, Салтыков-Щедрин подчеркивал, что весь ряд мыслей, вызванный у него картиной Ге, имел актуальное, злободневное значение, что не о евангельской истории писал он, а об истории современного ему дня, что не к религиозным чувствам зывал он, а к политическим.

Каждую строку своей публицистики Салтыков-Щедрин посвятил политическому просвещению русской публики, разоблачению либералов, утверждению необходимости практического революционного дела.

В шестидесятых годах широкое распространение получило мнение, что политическая жизнь в стране определяется столкновением поколений, отцов и детей, или «мальчишек», как выражался Катков. Защищая «детей», «мальчишек», Салтыков-Щедрин разъяснял в то же время, что вопрос о противоположности интересов между революционной демократией и реакцией нельзя сводить к вопросу о взаимоотношениях поколений. Различие в направлениях определялось противоречиями между правящими классами и трудовым народом, прежде всего крестьянством. «Мы представляем себе «общество» чем-то вроде многоэтажного здания, в котором признаки жизни замечаются только в бель-этаже... — писал Щедрин, — а все, что обитает в так называемых подвалах и чердаках, без всяких разговоров полагается неживущим... это заблуждение довольно грубое». Настоящий, действенный и требовательный «запрос на жизнь»

«...чувствуется именно в тех забытых помещениях, которые мы так неосновательно полагаем совсем не живущими» (т. VI, стр. 292).

Писатель был убежден, что серьезные изменения в жизни народа могут произойти лишь при активном участии самого народа. Причины общественных перемен, утверждал Щедрин, надо искать в действиях масс. «Это та самая сила,— писал он,— которая ничего не начинает без толку и без нужды, это та сила, которая всякое назначение свое делает плодотворным, претворяет в плоть и кровь». Народ не объект для благодеяния сверху, а хозяин своей собственной судьбы и судеб своей страны. Если передовые люди будут искать себе опору «инде», как выражался сатирик, то их деятельность не оставит следов, каковы бы ни были их намерения.

Салтыков-Щедрин понимал, что народ имеет свои предрассудки, что он сам не всегда сознает свои силы и интересы. Он говорил, что вера в массы не должна переходить в преклонение перед их темнотой, перед их предубеждениями. «И как бы я ни был предан массам,— писал Щедрин,— как бы ни болело мое сердце всеми болями толпы, но я не могу следовать за нею в ее близорукое служении неразумию и произволу» (т. VI, стр. 206).

Щедрин добивался сближения между передовым общественным движением и народными массами. Он доказывал, что пока передовые и просвещенные люди не сомкнутся с народом, прогресс человечества будет медленным и мучительным, что необходимо ликвидировать существующий глубокий антагонизм между «толпою» и «людьми мысли» (т. VI, стр. 341).

Придавая большое значение деятельности революционно-демократической интеллигенции, Салтыков-Щедрин никогда, однако, не отводил ей самодовлеющей роли, считая, что сила ее определялась способностью просветить массы и сомкнуться с ними. Салтыков-Щедрин вовсе не предлагал при этом уклониться от революционного дела в ожидании того желанного часа, когда массы окончательно прозреют. Передовым людям надлежит действовать, сообразуясь с объективными обстоятельствами, но действовать немедленно, ибо «в делах человеческих никакой прогресс не делается сам собою, а составляет результат целой совокупности человеческих усилий» (т. VI, стр. 360).

Так как реакция пытается воспрепятствовать прогрессивному развитию человечества, то не остается ничего другого, как сломить сопротивление силой. Если общество, изверившись в старых формах жизни, прокладывает себе новое русло «и если при этом оно встречает на пути своем такие препятствия, которые можно преодолеть только с бою, то, само собою разумеется, что оно не остановится перед ними и все-таки будет продолжать пробивать искомое ложе» (т. VI, стр. 298). В таких случаях «дело все-таки оканчивается неизбежным разрушением стены» (т. VI, стр. 299). Но для того, чтобы разрушить стену, нужно «геройство», говорил Щедрин, или, иными словами, самоотверженная революционная борьба. Он пропагандировал в хронике «Наша общественная жизнь» необходимость революционного служения народу, необходимость революционного подвига, совершаемого передовыми людьми совместно с «толпой».

«Нормальное» состояние общества, развивал он свою мысль, при котором будут удовлетворены все законные потребности человека и не будет никаких случайностей, могущих «нарушить общую гармонию и полную обеспеченность всех граждан», может быть достигнуто лишь в будущем. Тогда развитие пойдет мирным путем, без «геройства». Но сейчас, когда «турецкие султаны» и все, что стоит за ними, делают невозможным мирный прогресс, необходимо революционное насилие и революционное восстание.

По мнению Щедрина, честный человек не может замкнуться в себе и не обращать внимания на то, что делается в родной стране. Все побуждает его к борьбе и требует от него, чтобы он приложил все свои усилия

для того, чтобы поднять на борьбу и массы, без которых победа не может быть достигнута.

Известно, что в русском народничестве семидесятых годов господствовали анархические взгляды на политическую борьбу. Но игнорирование политики среди некоторых кругов демократически мыслящей интеллигенции наметилось уже в шестидесятых годах. И тогда существовало мнение, что мир и община гарантируют от всех случайностей. Щедрин допускал, что мнение это могло быть позаимствовано из среды отсталых слоев крестьянства, и не видел в этом мнении никаких оснований для радужных надежд на будущее. Наоборот, он полагал, что на деле оно не соответствует истинному положению в деревне. Мало того, давление отсталого общинного быта, писал он, в соединении с неосознанностью своих интересов приводит к тому, что люди массы пока еще «ко всякому акту геройства относятся с некоторою игривостью. Они не прочь даже... назвать геройство безумством». Но вот здесь-то перед передовым человеком, перед революционным демократом в особенно ярком свете вырисовывается его долг — не склоняться перед темнотою и неразвитостью массы, а разъяснить ей истинное положение, поднять ее до себя, подвинуть ее на выступление против ее врагов. «Вот здесь-то и следует образумить толпу, — доказывал Щедрин, — здесь-то и следует ей объяснить», что сходство общины с идеальным обществом, с социализмом, «сходство, которым она так хвастается, есть сходство грубое и притом основанное на одних внешних признаках». Это чисто внешнее сходство не должно отвращать ни передовую интеллигенцию, ни массу от участия в политической борьбе за насущные сегодняшние цели. Массе «следует доказать, — продолжал Щедрин совершенно в духе Чернышевского, — что то, что при нормальном (то есть гармоническом. — В. К.) состоянии общества представляется удовлетворением осмысленным и сознательным, то при эмбрионическом его состоянии объясняется скудостью и ограниченностью требований; что в первом случае является действительным обеспечением человека от наплыва случайностей, то во втором объясняется беспечностью и неясностью представления о будущем. А следовательно, друзья мои, — обращался он к передовой молодежи, — если в первом случае геройство упраздняется совершенством и нормальностью самой общественной комбинации, то во втором оно упраздняется только силою вашей немощи» (т. VI, стр. 171, 172).

Идеализация крестьянской отсталости, вера в возможность немедленного осуществления социализма на основе деревенской общины вели к ослаблению политической агитации среди масс, к отказу от активной подготовки революции. Щедрин же считал, что ослабление работы по организации натиска на самодержавие не может быть оправдано никакими доводами, что оно, по сути дела, является только признаком слабости, «немощи» революционеров.

Насколько актуальны были аргументы в пользу политической борьбы, видно из того, что даже Писарев, заточенный в Петропавловскую крепость за прокламацию, призывавшую к низвержению дома Романовых, временно поддался настроениям аполитизма. «Политические права, — писал он в «Исторических эскизах» (1864 г.), — существуют и имеют значение только для людей состоятельных, т. е. для тех людей, которым при всяком порядке вещей живется не совсем плохо»⁴. Эта же мысль выражена им в статье о «Что делать?» Чернышевского («Мыслящий пролетариат»), увидевшей свет в 1865 г., но написанной в 1863 г.: «Искать обновления в труде во всяком случае гораздо рациональнее, чем видеть альфу и омегу человеческого благополучия в учреждении палаты депутатов или палаты перов... Для нового человека необходимо прежде всего, чтобы труд был ему по душе и по силам... И нет такого нового человека, который не

⁴ Д. И. Писарев. Соч. Т. III. СПб. 1894, стр. 158.

нашел бы себе любимого дела, потому что вообще нет того здорового человека, который не был бы на что-нибудь способен. И когда все работники на земном шаре будут любить свое дело, тогда все будут новыми людьми, тогда не будет ни бедных, ни праздных, ни филантропов, — тогда действительно потекут те «молочные реки в кисельных берегах», которыми «проницательные читатели» так победоносно поражают негодных мальчишек»⁵. Так роман о революционерах и о революции Писарев пытался было истолковать как произведение, зовущее к мирному социалистическому обновлению путем разумного самоустройства отдельных людей вне победоносной политической революции.

Мысль о возможности установления социализма путем мирной организации труда «новых» людей перекликалась с мыслью о возможности непосредственного перехода к социализму через труд крестьян, организованных в общину.

Идеализация же крестьянской общины у представителей либерально-помещичьего лагеря выражалась в слащаво-идиллических описаниях сельского быта Кохановской, Селивановым и другими писателями-славянофилами. Салтыков-Щедрин высмеял эти слащавые описания тяжелого и неблагодарного крестьянского труда, плоды которого доставались преимущественно помещикам (т. VI, стр. 270).

Выступая против идеализации крестьянской общины, Салтыков-Щедрин давал правдивое описание условий жизни крестьянина. Поскольку продукт человеческого труда и самый труд, как он писал, представляют собой «не что иное, как товар» (т. VI, стр. 273), его нельзя ни прикрашивать, ни тем более идеализировать, ибо это ведет ко лжи. Пока что труд крестьянина — это «пот и кровь человеческие», «утраченное человеческое здоровье», «оскорбление человеческого достоинства», «потеря человеческого образа». Истина требует представлять подневольный труд не в розовом цвете, а искать его облегчения; не о применении «теории привлекательности труда» должна идти речь, а о том, чтобы создать для него справедливые условия. А из этого следует одна очень простая вещь, писал Щедрин, «что когда говоришь о мужичках, то нет никакой надобности ни умиляться, ни приседать, ни впадать в меланхолию... Это отсутствие преувеличений, быть может, огорчит несколько любознательного изыскателя, лишит его удовольствия рисовать картинки на розовом масле и вообще идеальничать и поэтизировать, но взамен того, оно положит начало чувству более прочному и плодотворному, чувству справедливости... Будет справедливость, а покамест она только и требуется» (т. VI, стр. 284).

Салтыков-Щедрин косвенным образом выражал свое мнение о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, то есть крестьянам, «что удобно заниматься сельским хозяйством возможно только тому, кто в это дело может поместить свой собственный труд» (т. VI, стр. 92). Защищая интересы «мужицкого» труда, Щедрин выражал сочувствие «потраченной» литературе, прокламациям шестидесятих годов. В побочной сноске он прямо написал, что осаждают те самые «Фивы», которые осаждали «умолкнувшие» (то есть арестованные) «вожди и учителя» из «Современника».

Несмотря на цензуру, всю политическую хронику Щедрина в «Современнике» 1863—1864 гг. пронизывали две взаимно связанные идеи — требование земли крестьянам и политической свободы русскому народу, или иначе, лозунг «Земля и Воля». В легальном «Современнике» Щедрин вел линию, созвучную линии нелегальной организации «Земля и Воля», идеологами и вдохновителями которой были Чернышевский, Герцен и Огарев.

«Земля и Воля» шестидесятых годов объединяла людей разных оттен-

⁵ Д. И. Писарев. Избранные сочинения в двух томах. Т. II. М. 1935, стр. 390.

ков мысли, ее участники не были связаны единой программой. Публицистика Щедрина ближе всего стояла к написанной Чернышевским прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон».

Салтыков-Щедрин продолжал линию арестованного Чернышевского. Идя на риск, он неоднократно называл его имя и подчеркивал свою солидарность с ним. В то же время на страницах своей хроники Щедрин выступил с критикой утопических сторон романа «Что делать?». Это обстоятельство вызвало в свое время большой шум. Салтыкова-Щедрина обвиняли в лжедемократизме, в лицемерии. Он вынужден был выступить с объяснениями. Задача осложнялась тем, что Салтыков-Щедрин не мог прямо сказать, что предмет разногласий — вопрос о соотношении политики и социализма (утопического), что спор вращается вокруг проблемы: что поставить на первое место в программе непосредственной борьбы — политические требования или утопический идеал социалистически организованного труда.

Щедрина приходилось давать свои объяснения эзоповским языком, однако внимательное чтение текста дает возможность полностью расшифровать его смысл.

«В прошлом году, — писал Щедрин в марте 1864 года, — вышел роман «Что делать?», — роман серьезный, проводивший мысль о необходимости новых жизненных основ и даже указывавший на эти основы. Автор этого романа, без сомнения, обладал своею мыслью вполне, но именно потому-то, что он страстно относился к ней, что он представлял ее себе живою и воплощенною, он и не мог избежать некоторой произвольной регламентации подробностей, и именно тех подробностей, для предугадания и изображения которых действительность не представляет еще достаточных данных. Для всякого разумного человека, читая упомянутый выше роман, сумеет отличить живую и разумную его идею от сочиненных и только портящих дело подробностей. Но вислоухие понимают дело иначе; они обходят существенное содержание романа и приударяют насчет подробностей, а из этих подробностей всего более соблазняет их перспектива работать с пением и плясками» (т. VI, стр. 326).

Салтыков-Щедрин, очевидно, хотел сказать в своем ответе, что существо романа «Что делать?» состояло в изображении революционеров, революционного подполья, перспектив революции, в призыве к организации революции и восстания и в указании на социализм как на конечный идеал общественного развития; все же остальное — «подробности». Нетерпеливые и незрелые люди, возлагавшие надежды на немедленное осуществление «гармонических» форм труда и в деревне и в городе, без борьбы против самодержавия, не заметили этого «существа» и сосредоточили все свое внимание на «подробностях».

Из воспоминаний С. Г. Стахевича видно, что многие круги воспринимали всю проповедь «Современника», ведущуюся, как известно, на эзоповском языке, как аполитичную. «Для меня и для нескольких других сотоварищей по тюрьме, — пишет он, — было на первое время совершенно неожиданностью, что теоретические мнения Николая Гавриловича были решительно в пользу политической свободы... мы исповедовали символ веры приблизительно такой... политические формы сами по себе — ничто: конституция и республика могут совмещаться не только с благосостоянием масс, но также и с их нищетой; абсолютизм может совмещаться не только с нищетой масс, но также и с их благосостоянием»⁶. Такая молодежь, естественно, полагала, что и в своем романе, написанном в заточении, Чернышевский призывал к достижению социализма при сохранении тогдашних политических условий. Это было несомненное и вредное заблуждение, и Щедрин не мог обойти его молчанием.

⁶ «Н. Г. Чернышевский». Сборник. 1928, стр. 77.

Вопрос, поднятый Щедриным в связи с «Что делать?», не носил отвлеченно-теоретического характера. Это был разговор о том, что следовало делать в ближайшем будущем для того, чтобы победить самодержавие. И Чернышевский и Щедрин ориентировали своих сторонников на революцию. В романе «Что делать?» указывался ее примерный срок — 1865 год. Салтыков-Щедрин постоянно напоминал о близости «ликвидации». В 1863 г., когда ожидалось всеобщее выступление крестьянства, он писал, что переживаемое время представляет «минуту ликвидации». Ставка на близкую революцию и обусловила выступление Салтыкова-Щедрина. В неопубликованной статье «Гг. «Семейству М. М. Достоевского», издающему журнал «Эпоха», Щедрин прямо заявлял, что в его отзыве о «Что делать?» «говорится отнюдь не о самом романе, а об известном на него взгляде и о тех поученьях, которые, под влиянием этого взгляда, из него извлекаются» (т. VI, стр. 487). Щедрин критиковал не социалистический идеал Чернышевского, а выводы, которые были сделаны из его романа людьми, провозглашавшими социалистический утопизм насущной программой сегодняшнего дня. Многим казалось, что по сравнению с этой целью политическая борьба является чем-то совершенно незначительным. В таких условиях Щедрин, как соратник Чернышевского, не мог не выступить против неправильного понимания романа «Что делать?», ибо вопрос стоял слишком остро практически.

Щедрин решительно боролся против отказа от политической борьбы. Он предупреждал, что игнорирование политики таит в себе опасность регресса. В «Нашей общественной жизни» он мог сказать об этом лишь иносказательно, лишь намеками восставая против «презрения к практической деятельности», понимаемой «в известном и притом весьма ограниченном смысле». В статье «Драматурги-паразиты во Франции» («Современник» 1863 г., № 1—2) он высказал свою мысль более определенно: «Ужели в самом деле время политических интересов миновалось?.. Нет, это — только самообольщение; нет, это сон. Конечно, везде могут найтись люди, которые охотно смеются над интересами политическими, и смеются не просто по страсти к зубоскальству, а во имя других, более плодотворных интересов, которые будто бы затмеваются политическими; однако ж, здесь забывается одно весьма важное условие, а именно, что разработка политических интересов приготавливает почву для тех «других», о которых так много заботятся. Здесь, очевидно, забывается то, что, отклоняя политические интересы, мы вместе с тем отдаляем и «другие». Ясно, что тут есть ошибка, ошибка, быть может, непреднамеренная, но все-таки ошибка. Эта ошибка тем горьчее, что гораздо больше выйдет людей, которые воспользуются ею для целей совершенно особенных» (т. V, стр. 212).

Таким образом, Салтыков-Щедрин доказывал, что отказ от политической борьбы выгоден только реакции и что борьба за политическую свободу не только не противоречит социализму, но, наоборот, является подготовительной ступенью на пути переустройства социальных отношений в пользу трудящихся. И это вполне соответствовало взглядам самого Чернышевского. Тот же Стахевич приводит следующие слова Чернышевского: «Вы, господа, говорите, что политическая свобода не может накормить голодного человека. Совершенная правда. Но разве, например, воздух может накормить человека? Конечно, нет. И, однако же, без еды человек проживет несколько дней, без воздуха же не проживет и десяти минут. Как воздух необходим для жизни отдельного человека, так и политическая свобода необходима для правильной жизни человеческого общества»⁷.

Считая, что Россия находится накануне революции, Салтыков-Щедрин не мог не высказать своего мнения о том, как организовать революцию и довести ее до победы. «Современник» являлся трибуной, голос

⁷ Там же, стр. 78.

с которой разносился далеко по стране, и Шедрин хотел с помощью журнала обратиться к гораздо большему числу людей, чем этого можно было достигнуть посредством «подземных» прокламаций. Он сделал такую попытку в 1864 г. в двух вариантах XI выпуска своей статьи «Наша общественная жизнь». Оба варианта остались ненапечатанными и стали доступны широкому кругу читателей только в 1934 году.

Салтыков-Шедрин, вместе с Чернышевским и Добролюбовым, стоял за насильственный революционный переворот, совершаемый массами во главе с революционными вождями. Вместе с тем он знал, что большинство социалистов-утопистов высказывалось против революционного насилия. В обоих вариантах XI выпуска своей хроники Шедрин стремился переубедить сторонников теоретико-утопических построений, согласно которым насильственная революция, с ее кровавыми битвами и жертвами, является нежелательной. Он предупреждал, что напоминает о теории мирного развития не для «нелепого выжидания» (т. VI, стр. 336), не для пропаганды «постепеновщины» (т. VI, стр. 342), а для объяснения, почему революция необходима. «Вы и не подозреваете,— обращался он к «юродивцам»,— что всю эту речь я не к чему иному веду, как именно к мысли о необходимости победы (революции.— В. К.), о настоятельности (насильственного.— В. К.) торжества» (т. VI, стр. 342). Бывают такие обстоятельства и такие исторические моменты, убеждал Шедрин своих читателей, когда революционное насилие становится единственным выходом из положения, единственным способом низвергнуть жестокие силы прошлого, мешающие прогрессу и счастью народа. В «ненормальной» среде, отмечал он, «только то действие и может быть сочтено нормальным, которое соответствует окружающей его ненормальной обстановке». Купный характер реформ, страшно тяжелые условия освобождения крестьян, реакция, расстрелы бунтующих мужиков, разгон безоружных студентов, аресты лучших русских людей сделали для Шедрина ясной «необходимость войны, необходимость победы...» (т. VI, стр. 343). «Да,— писал Шедрин,— мы живем не в Аркадии и не в Икарии... Мы имеем не только право, но и обязанность защищать себя против невежества и дикости... ибо тут идет речь о нашей жизни и отстаивать ее повелевает нам простое чувство самосохранения. Если, при известных условиях, жизнь представляется в форме войны, то никто не изъеется от необходимости вести ее...» (т. VI, стр. 342).

«Войны» за народ велись и в прошлом. Шедрин ставил в пример своим современникам образы мучеников свободы минувших времен и революционеров-современников. Он выражал горячее сочувствие людям, запечатлевшим преданность идеалам «великим подвигом самоотвержения». «Уже в самом начале настоящей статьи я заявил,— торжественно провозглашал он,— мое полное сочувствие тем лучшим людям, которые не только мыслят, но и отстаивают свою мысль с страстностью, доходящей до самоотвержения... Сам по себе взятый, жизненный подвиг этих людей не только в высшей степени замечателен, но вообще такого свойства, что напоминание об нем, и притом беспрестанное, непрерывающееся напоминание составляет предмет существенной и настоятельной необходимости. Бывают такие горькие минуты в жизни человечества, когда нужно без устали твердить ему о самоотвержении, о великой, очищающей роли самопожертвования... Даже, пожалуй, об аскетизме... В такие эпохи самоотвержение есть обязательный закон для всего мыслящего, и предание о взявшем на себя бремя общественных недугов встречает себе как нельзя более своевременное осуществление» (т. VI, стр. 337).

Слово «самоотвержение» в лексике легальной революционно-демократической публицистики шестидесятых годов было общераспространенным синонимом революционной деятельности.

Если бы статья Шедрина была опубликована в свое время, то читатели-современники поняли бы ее как выражение солидарности с арестованными руководителями и сотрудниками «Современника» Черны-

шевским, Михайловым, Серно-Соловьевичем, с казненными Сераковским и Путятой и другими борцами шестидесятых годов, с теми самоотверженными революционерами, образ которых был воплощен в Рахметове (из «Что делать?»).

Обосновав необходимость революции, Щедрин уделил главное место в ненапечатанной хронике изложению плана, который сделал бы возможной победу революции. Щедрин указывал, что для успеха революции необходимы два условия: трезвый учет реальной обстановки и создание организации революционеров.

Щедрин напоминал, что революционный лагерь должен постоянно исходить из реальной действительности, не делать слишком больших «запросов», рассматривать действительность, как продукт живых и сложных сил, не ждать слишком легких успехов и чутко присматриваться ко всему, что может приблизить желанную цель.

Щедрин напоминал, что многие уже отчетливо видят неправильность существующего порядка вещей и даже постигают «возможность иного, лучшего общественного устройства», но не знают, что предпринять, как действовать. Каждый в отдельности видит только свидетельство своего «бессилия и беспомощности», а между тем «силы для сокрушения» старого «имеются в наличности», — их надо лишь собрать и объединить вокруг одного руководящего «центра» (т. VI, стр. 338, 339). Организация революционно-демократических сил необходима для того, чтобы воздействовать и на интеллигенцию и на народную массу, то есть прежде всего на крестьянство. По мысли Щедрина, объединенные и сплоченные революционные демократы должны были охватить своим влиянием и общество и народ и вместе двинуться в наступление на старый режим.

По плану Салтыкова-Щедрина организация революционеров включала бы два ряда деятелей: одни занялись бы разработкой теоретических проблем и определением общих принципов движения, другие — осуществлением актуальных задач ближайшего времени. В качестве примера деятелей первого рода Щедрин приводил Яна Гуса и Фурье (выбор его был стеснен оглядкой на цензуру). Эти люди отдавали свою жизнь, уверенные в том, что история пошлет им заочное, загробное «воздаяние за их подвиги, лишения, а иногда и за преждевременную мученическую смерть» (т. VI, стр. 332). Мысль о будущем «утешении истории» помогала им бесстрашно смотреть в лицо опасности, не сворачивать с избранного ими однажды пути и приносить свои личные интересы в жертву интересам общечеловеческим. Им помогала страстная, доведенная до героизма мысль, «их поддерживало живое и могущественное убеждение, что эта мысль не замрет и не погибнет бесследно, какую бы горечью ни пропитана была вся обстановка, среди которой ей суждено развиваться» (т. VI, стр. 332). Люди героической мысли стремятся, писал Щедрин, повторяя призыв Чернышевского из «Что делать?», не оттягивать приближение будущего, «а, напротив того, всеми средствами ускорить» его (т. VI, стр. 333).

Щедрин выражал свое полное сочувствие «тем лучшим людям, которые не только мыслят, но и отстаивают свою мысль с страстностью, доходящей до самоотвержения» (т. VI, стр. 337). В то же время он считал, что силами одних только страстно убежденных «открывателей новых горизонтов», теоретиков и руководителей, нельзя подготовить переворот. Нужны были еще и рядовые труженики идеи, проводники и защитники ее, организаторы масс. «Всякое стремящееся провести себя в жизнь дело имеет к своим услугам двоякого рода деятелей, — развивал положения своего плана Щедрин, — во-первых, инициаторов, по мысли которых оно возникло и ведется, и во-вторых, чернорабочих, которые суть ни больше, ни меньше, как строгие и точные исполнители чужих планов и намерений». В исполнителях «всего более ценится их преданность, их, так сказать, материальное геройство. Они представляют собой те самые окопы,

за которыми мысль может жить и развиваться, не будучи каждую минуту вынуждаема заботиться о своей защите...». «Драгоценнейшие качества чернорабочего,— продолжал Щедрин,— суть: стойкость при натиске, сознание необходимости организации, почтительность и послушливость» (т. VI, стр. 343, 344).

Положение о необходимости разделения организации на «инициаторов» и «чернорабочих» Щедрин повторял неоднократно, используя все новые и новые аргументы. Такое разделение, утверждал он, даст возможность полное, последовательнее и вернее разрабатывать теорию движения и вместе с тем приблизит час его торжества. Люди мысли смогут тогда свободно и спокойно предаваться своему делу. Все подробности, все тяготы, неразлучные с процессом проникновения мысли в практику, падут на долю преданных чернорабочих. Щедрин убеждал, что все это нужно было не для защиты интересов чистой теории, а для борьбы со старым режимом, что все это вызвано условиями нелегальности. Здесь «идет речь собственно о войне», — разъяснял он, — «о наилучших способах к успешному ведению войны», об организации возможно более скорой и возможно более полной победы революции.

Для иллюстрации своей мысли о необходимости централизации и дисциплины в организации революционеров Салтыков-Щедрин ссылаясь на пример церковного раскола. Для современного ему читателя ссылка на раскол не была неожиданной, как это может показаться читателю нашей эпохи. Бакунин, Герцен и Огарев, историк Шапов, а также народники семидесятых годов идеализировали раскол. Они рассматривали раскол как народную антиправительственную силу, способную и готовую поддержать крестьянское восстание. Во время своего вынужденного пребывания в Вятке Щедрин хорошо изучил раскол. Щедрин не идеализировал его, а, наоборот, относился к нему отрицательно. Но он ценил у раскольников внутреннюю организованность, своеобразную дисциплину. Поэтому в годы революционной ситуации Щедрин ставил в пример революционерам организацию раскола: «...большинство так называемых расколов свидетельствует о замечательных организаторских способностях русского человека и о далеко не заурядной его силе в деле пропаганды. Мы не можем произнести слово «раскол», чтобы с этим словом в мыслях наших не соединилось представление об организации плотной и почти непроницаемой...» (т. VI, стр. 364).

Хотя Салтыков-Щедрин и предвидел, что предлагаемый им план разделения организации на «инициаторов» и «чернорабочих» может вызвать возражения, он продолжал доказывать: идет «война», социальная и политическая война «присутствует в том раздражающем и опьяняющем воздухе, которым мы дышим», а для войны «у нас должна быть организация» (т. VI, стр. 345).

Теоретики и мыслители в этой организации по плану Щедрина не должны были покидать сферы мысли, ибо «эта мысль сделает то практическое дело, какого практичнее ничего нет на свете: она оплодотворит людей действия, она прольет огонь в их сердца, она сделает их почтительными, послушливыми и твердыми в бедствиях». Щедрин считал, что предлагавшийся им план, во-первых, предохранит теоретическую революционную мысль от вульгаризации, от опошления, от того, чтобы человек, призванный быть «чернорабочим», не «наболтал», не «наврали», не «насмешил», не «наделал галиматии», и, во-вторых, даст возможность выковать дисциплину, без которой успех невозможен. Что же касается обвинения в аристократизме, то Щедрин парировал это возможное обвинение следующим образом:

«Во-первых, я говорю о положении временном, о положении нужном в данную минуту... во-вторых, я вполне убежден, что по мере накоплений знаний в массах, не только уровень этих знаний, но и уровень самых человеческих способностей должен представлять гораздо менее укло-

ний против тех, которые встречаются ныне... в-третьих, наконец,— и это главное — я говорю совсем не об аристократии, а об организации...» (т. VI, стр. 343, 344, 346).

Большой опыт показал бы Щедрина, что разделение членов революционной организации на чистых теоретиков, которые, однако, не только оплодотворяют, но и направляют практику, и на слепых исполнителей, воспринимающих преподанные им идеи на веру, просто невозможно. Однако сейчас нам важно прежде всего восстановить, по мере возможности, план Салтыкова-Щедрина и проследить за ходом его мысли. Щедрин добивался разделения революционного общества не по причине не собственных ему антидемократических тенденций — это был для него организационный принцип, подсказанный условиями подполья. Он предвидел и этот упрек — в антидемократизме, в «жестокости», как он выражался, он знал, что ему скажут, что организация на такой основе невозможна, ибо, вероятно, мало найдется людей, согласных вступить в нее на предложенных условиях. На это он отвечал очень любопытным и важным аргументом: такие революционные организации существовали в прошлом, такая организация существует и теперь; кто может вменить ее организационные принципы, пусть станет ее участником, кто не может, пусть станет в сторону и не мешает борьбе, ибо революционер — это своего рода опричник, как он выразился в повести «Тихое пристанище».

«Я могу ответить моим возражателям: во-первых, что подобные организации существовали и существуют — это нам доказывает не только история, но и действительность: оглянитесь кругом, и уверьтесь, а, во-вторых... если вы желаете, то желайте, если не желаете, то уйдите прочь и не мешайте другим» (т. VI, стр. 346—347).

Эти слова являются важным свидетельством того, что на рубеже шестидесятых годов была действительно создана нелегальная организация для руководства ожидавшейся революцией. Принципы ее построения, видимо, еще не были достаточно продуманы, сама организация, по всей вероятности, еще не была окончательно оформлена и не сумела еще по-настоящему упорядочить деятельность входивших в нее кружков и отдельных личностей. Для того чтобы преодолеть эти недостатки, Салтыков-Щедрин, выражая собственное мнение или мнение какой-нибудь группы, и выдвинул план организации, который казался ему наиболее целесообразным по условиям шестидесятых годов.

В трактовке применяемого Щедриным понятия «аристократия мысли» можно уловить и полемический оттенок. В это время Лавров уже выступил с положением о критически мыслящих личностях как руководителях «толпы», Писарев и другие теоретики «Русского Слова» считали единственно возможными агентами истории «реалистов», представителей образованной интеллигенции; в прокламации «К молодому поколению» к «аристократии мысли» причислялись «литераторы, поэты, ученые, художники, фабриканты»⁸. Салтыков же понимал под «аристократией мысли» хорошо законспирированную небольшую группу инициаторов и теоретиков революционной организации, которые призваны были оплодотворить деятельность самых широких слоев демократической интеллигенции, просветить и активизировать народные массы.

Верховным принципом организации Салтыков-Щедрин считал служение народным интересам. «Уважение к народу,— писал он в этой связи,— (принимая это выражение в смысле массы) и служение его интересам представляют, как известно, один из тех богатых жизненных идеалов, которые могут наполнить собою все содержание человеческой мысли и деятельности. Это истина, которую могут отрицать лишь очень ограниченные люди, не понимающие, что все общественные идеалы, как

⁸ М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов (по архивным документам). 1923 г., стр. 72.

бы ни было велико их разнообразие, все-таки, в окончательном результате, сливаются и сосредоточиваются в одном великом понятии о народе, как о конечной цели всех стремлений и усилий...» (т. VI, стр. 359).

При ориентировке на народ, как на главную силу революционного преобразования, одной из важнейших задач организации должна была стать агитация среди массы. Как известно, прокламации Чернышевского, Огарева, «Земли и Воли» были обращены прежде всего к крестьянам и солдатам. Поднять крестьян и солдат — это и значило организовать революцию. «Чернорабочие» революции, по мысли Щедрина, и должны были развернуть свою деятельность прежде всего в массах. «Для черно-рабочего непостыдно обращаться к большинству, да и нет никакого резона не говорить с большинством языком этого большинства. Он не должен только забывать, откуда он идет, он должен всегда чувствовать себя членом иного мира, посланным к большинству не для того, чтоб утонуть в нем, а для того, чтобы привести его к мысли» (т. VI, стр. 347—348).

Во втором варианте XI хроники «Наша общественная жизнь» Салтыков-Щедрин подробно останавливается на путях и на характере агитации среди народа. Агитаторы должны были разъяснить народу его интересы, донести до него идеал революции и поднять его на протест и на штурм. Крестьянину нужно сказать только то, что нужно, и именно так, чтобы он выслушал и понял. Тут может быть рекомендована одна метода, писал Щедрин: это переход от понятий простых «к понятиям более сложным, а отнюдь не другая метода, которая гласит: ты, братец, все врешь, а послушай-ка, что я тебе стану говорить» (т. VI, стр. 363). Как глубокий знаток крестьянства, Салтыков-Щедрин предостерегал против неправильного подхода к нему: «Если мы к тому же простодушному поселянину приступим с соображениями чисто практическими насчет беспечального житья (то есть насчет немедленной организации социалистического общежития, хотя бы через общину), то он даже не задумается над вашими соображениями, да и разговаривать, пожалуй, не станет, а просто пожалуется»⁹.

Салтыков-Щедрин точно определял, кто из известных ему деятелей годился в «инициаторы» и кто в «чернорабочие». Он, естественно, не называл фамилий инициаторов, но зато довольно точно указывал, кто не может войти в их состав. Это были прежде всего люди, связанные с «Русским Словом», философ Ризположенский, то есть Благовестов, и «псевдоестествоиспытатель» Кроличков — В. Зайцев. Люди эти претендовали на руководящее положение в русском общественном движении. Редактор и издатель «Русского Слова» Благовестов входил в организацию «Земля и Воля». Зайцев стал последователем Бакунина, но оба настолько извращали идеи революционных демократов, что, по мнению Щедрина, могли в качестве теоретиков-руководителей принести только вред. Однако в качестве «чернорабочих» и они могли бы делать полезное дело. «Какой-нибудь Кроличков, — писал Щедрин на своеобразном своем языке, — рассматриваемый как философ и новатор, стоит всего 15 коп. серебром, тогда как, если смотреть на него, как на расторопного малого, которого можно посылать за квасом в лавочку, то ему, быть может, и цены не сыщешь» (т. VI, стр. 356). Следует отметить, что Щедрин отделял сидевшего в крепости Писарева от остальных сотрудников «Русского Слова». Считая занятую последним в 1863—1864 гг. позицию временным уклонением, он надеялся обрести в нем вновь трибуна революции. «Не распространяя слухов, — обращался он к «публицисту Скорбященскому», под которым, очевидно, подразумевал Писарева, — о терпении и о возна-

⁹ Уже в шестидесятых годах были случаи, когда крестьяне выдавали пропагандистов. Так, в деревне Кобыльске, Островского уезда, Псковской губернии, крестьяне задержали Д. Степанова и И. Жукова с типографскими принадлежностями и пропагандистскими материалами. (См. А. И. Герцен. Соч. Т. XVI. П. 1920, стр. 155).

гражданных, имеющих последовать в будущей жизни, но будь дерзок, ибо только дерзостью получишь в сем мире желаемое». Истинное назначение Скорбященского — «словом и делом пропагандировать мысль о натиске» (т. VI, стр. 345). Как известно, Писарев по выходе из Петропавловской крепости порвал с Благодетельным, вступил в число постоянных сотрудников «Отечественных Записок» и тем самым фактически признал правоту Салтыкова-Щедрина. Кроличков же и подобные ему участники «Русского Слова» остались для Щедрина представителями сектантства и дезорганизации. В обстановке ожидавшегося революционного восстания их деятельность становилась особенно опасной, хотя бы уже по одному тому, что они проповедовали презрение к массе. Поэтому Щедрин и хотел оградить от их влияния разработку теоретических вопросов и подчинить их «чернорабочей» дисциплине.

Особое положение в организации, которое Щедрин предусматривал для «тружеников мысли», чтобы обезопасить их от чрезмерного риска и преждевременных провалов, может быть, опиралось на реальный факт — на положение Чернышевского в обществе «Земля и Воля». По словам А. А. Слепцова, Чернышевский прямым образом в «Землю и Волю» не входил, так как считалось, что соединить подпольную практику с руководством легальной кафедрой движения — «Современником» — дело невозможное¹⁰. Чернышевский, вспоминая М. Слепцова, «не мог действительно работать в организации, особенно вследствие смерти Добролюбова, уже по одному тому, что на него легла усиленная работа в «Современнике». Но он является всезнающим центральным лицом, теоретиком общества, вносящим поправки своими советами и совместными обсуждениями, но не активистом. С возникновением «Земли и Воли» Чернышевский сам в ней не написал ни одной прокламации. Однако значит ли это, что он не был членом «Земли и Воли» и даже членом центрального комитета, раз основная пятерка вошла в центр целиком?.. Чернышевский был в ней как бы «консультантом». Странно было бы, однако, понимать «самостоятельность» общества в смысле незнания Чернышевским о его работе...»¹¹.

Повидимому, аресты Чернышевского и его соратников заставили Щедрина задуматься о еще большем отделении «тружеников мысли» от «чернорабочих» — исполнителей — для ограждения их от провалов.

После всего вышеизложенного, естественно, возникает вопрос, были ли Щедрин организационно связан с революционным подпольем шестидесятых годов, входил ли он в первую организацию «Земля и Воля». Ответить на этот вопрос в категорической форме трудно. Сведения о подпольной деятельности революционеров шестидесятых годов сохранились неполные и разрозненные. Многие материалы были уничтожены в связи с угрозой обысков, многие деятели, отошедшие от движения, промолчали до конца своих дней. Можно, однако, установить, что почти все ближайшее окружение Салтыкова входило в состав «Земли и Воли», — Елисеев, Антонович, Плещеев, Н. Серно-Соловьевич. Членами «Земли и Воли» были братья Курочкины, Благодетель, Лавров. Известно также и следующее сообщение Стахевича: «Сам Николай Гаврилович о своей политической деятельности выразился однажды со смехом и шутками приблизительно так: «Мы, — то есть я, Салтыков и еще кое-кто, — составляли план преобразования России. — Ну, вот мы еще не решили, что для нее лучше: монархия или республика; больше к тому склонялись, чтобы утвердить монархию, обставленную демократическими учреждениями...»¹². Многие принимали это сообщение как шутку. Однако сам Стахевич

¹⁰ Там же, стр. 75.

¹¹ «Звенья». Кн. 2, стр. 448, 449. Члены основной пятерки, по свидетельству М. Слепцовой, — Чернышевский, Н. Серно-Соловьевич, А. Слепцов, Н. Обручев и Д. Путьга (там же, стр. 404). По свидетельству М. Слепцовой, о роли Чернышевского не знали даже Антонович и Плещеев.

¹² «Н. Г. Чернышевский», стр. 115—116.

относился к сообщению Чернышевского вполне серьезно: «Я про себя подумал: шутки шутками, а какие-то политические планы, должно быть, действительно составлялись, и для осуществления их кое-что, должно быть, действительно предпринималось»¹³. Подтверждение истинности сообщения Чернышевского Стахевич нашел в разговорах, которые вел с ним на эти же темы Зайчневский. Да и по содержанию оно правдоподобно: люди, руководившие «Землей и Волей», первоначально в самом деле дебатировали вопрос о том, какая форма правления более соответствует степени зрелости сознания русского крестьянства шестидесятых годов — сильно ограниченная, полуноминальная монархия или республика.

Любопытно отметить следующий штрих. Чернышевский до конца дней сохранил о Шедрине самое высокое мнение как о политике. Так, в Астрахани Чернышевский говорил о нем: «Да, этот человек широкого политического развития, не то, что другие»¹⁴.

Не исключено, что Салтыков-Шедрин был одним из руководящих членов «Земли и Воли». Во всяком случае, анализ его публицистики (а также повести «Тихое пристанище») показывает, что Салтыков-Шедрин был в курсе построения «подземной» организации, ее программных документов, ее планов и намерений. Если это так, то, возможно, Шедрин в этой организации, как и Чернышевский, был «инициатором», «тружеником мысли», разрабатывавшим и пропагандировавшим в журнале взгляды организации, но во избежание излишнего риска не входившим формально в ее состав. Со слов А. А. Слепцова, Лемке сообщает, что в «Земле и Воле» «обращено было внимание на создание возможного взаимодействия с русской журналистикой, чтобы, помимо тайной пропаганды, читатель из разночинной интеллигенции, — тогда только-что выраставшей и комплектовавшейся, как сколько-нибудь заметная группа, — был взят кругом в определенный цикл понятий и интересов»¹⁵.

Слепцов назвал Лемке, братьев В. и И. Курочкиных, Благосветлова, Елисеева и А. Ф. Погосского. Имени Салтыкова-Шедрина в его перечне нет. Но фактически-то именно Салтыков-Шедрин вел в 1863—1864 гг. со страниц «Современника» революционную пропаганду, совпадавшую с целями и задачами Чернышевского, Огарева, Герцена, с целями и задачами «Земли и Воли». Случайным это не могло быть. Каков бы ни был характер связей Шедрина с революционным подпольем шестидесятых годов, самым важным является то, что в тяжелых условиях, сложившихся после разгрома революционного натиска начала шестидесятых годов, он сумел продолжить линию Чернышевского и сделать возобновленный «Современник» трибуной русской революционной мысли и русской революционной агитации того времени.

Органическая связь с революционным движением шестидесятых годов, политическая близость с Чернышевским сыграли огромную роль в формировании Салтыкова-Шедрина как писателя революционной демократии. Публицистическая деятельность в «Современнике» дала ему возможность политически проверить и подытожить весь накопленный им опыт, научила его ставить все вопросы литературы в зависимость от последовательно демократической борьбы за победу народных масс. Не книжная догматика, а опыт живой общественной жизни, освещенный передовой для своего времени теорией, сделал Шедрина одним из активных деятелей революционно-демократического лагеря.

¹³ Там же.

¹⁴ «Жизнь в Астрахани». Из воспоминаний бывшего личного секретаря Н. Г. Чернышевского. «Правда» 27 ноября 1928 года.

¹⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. XVI, стр. 74.